

ВЛАДИМИР РЕЗНИК,

кандидат социологических наук, научный сотрудник
отдела экономической социологии
Института социологии НАН Украины

**Приватизация в Украине как
социально-экономический процесс:
объективные показатели и субъективные оценки**

Abstract

The article deals with the dynamics of objective indices and subjective estimations of privatization in Ukraine. The author emphasizes the importance of a broader interpretation of the "privatization" notion that would allow to consider the above-mentioned phenomenon as a social re-institutionalization of private ownership, private enterprise, and labor market. The above-mentioned re-institutionalization is to examine on the base of structure ownership and employment indices in their dynamics. Such an analysis allows to conclude that the market economy institutions are renewed as well as parallelism and common tendencies in their forming exist. Moreover, the author adduces opinions on privatization processes expressed by the Ukrainian citizens as well as expert estimations of private ownership. All this gives grounds for assuming that social de-legitimization of the privatization process is not necessarily the case for a similar de-legitimization of the private ownership institution on the whole.

Вступление

Хаотичный, непрозрачный и порой откровенно противоправный процесс приватизации в Украине обусловил появление ряда негативных последствий — низкий уровень социальной легитимности новоиспеченной частной собственности, зависимость последней от интенций власти и политической конъюнктуры, угрозу ее политически мотивированного перераспределения. Процессы деприватизации в России и реприватизации в Украине превратили вопрос социальной легитимации частной собственности в предмет всеобщего внимания. Этим вопросом в последнее время не на шут-

ку обеспокоены отдельные представители крупного капитала. В частности, в статье, подписанной именем арестованного в России М.Ходорковского, констатируется, “что 90% российского народа не считает приватизацию справедливой, а ее выгодоприобретателей — законными собственниками”, и подчеркивается необходимость ее легитимации как условия успешного противодействия любым покушениям на частную собственность [1]. В заочной полемике с Ходорковским российский политэмигрант Б.Березовский скептически оценил перспективы подобной легитимации. По мнению Березовского, “никогда в истории перераспределение какой-либо собственности не признавалось справедливым”, поэтому “еще долго в России любого относительно богатого человека будут считать вором” [2]. Напротив, В.Пинчук, утратив часть своих активов в результате реприватизации “Криворожстали”, от лица капиталистов Украины высказался в пользу отмеченной выше легитимации: “Мы должны максимально способствовать легитимации результатов приватизации. Не сделав этого, мы не можем рассчитывать на исчезновение вечного раздражителя общественного сознания” [3]. Легитимация результатов постсоветской приватизации превратилась в предмет обсуждения для журналистов, политических и экономических обозревателей из разных стран. Представители неправительственных экспертных структур настойчиво предлагают свои интеллектуальные разработки в виде различных легитимационных моделей и технологий [4; 5; 6]. Подобные проявления неподдельного интереса к вопросу легитимации свидетельствуют о его безусловной социальной актуальности. Ведь если результаты приватизации не получают социальной легитимности, сохраняются риски периодической реприватизации. Каждая смена власти в стране будет нести угрозу перераспределения собственности: новаявластная власть будет вынуждена бороться с соблазном реприватизировать собственность своих оппонентов в случае ее социальной нелегитимности (фактической поддержки таких попыток со стороны общественности).

Вместе с тем вопрос социальной легитимации результатов приватизации можно считать лишь составной, хотя и важной частью в рамках более общей проблемы в ее социальном и научном измерениях. Попытка определения этой проблематики предпринята мной в предыдущей статье [7]. Там отмечалось, что общесоциальную проблему сейчас составляют интеграция/дезинтеграция социальной структуры современного украинского общества, сформированной в результате реинституционализации частной собственности в процессе приватизации, а значит и вопрос его (общества) социальной стабильности/нестабильности, учитывая различные внешние и внутренние факторы [7, с. 123]. Научная проблема была определена как противоречие между (1) социальной актуальностью состояния легитимности/нелегитимности частной собственности как фактора интеграции/дезинтеграции социальной структуры современного украинского общества, (2) дефицитом знания социально-генетических, социокультурных и социально-структурных особенностей, путей и средств соответствующей легитимации/делегитимации и (3) наличием научных предпосылок для восполнения этого дефицита [7, с. 129–130]. Следовательно, необходимы разработки социологической концепции социальной легитимации частной собственности как одного из процессов, обеспечивающих социальную интеграцию, эмпирическая апробация элементов этой концепции и выявление с

применением ее социально-генетических, социокультурных и социально-структурных особенностей соответствующих легитимационных/делегитимационных тенденций в современной Украине.

Когда исследуется социальная легитимация частной собственности в современном украинском обществе, объектом анализа по логике должна выступать частная собственность как социальный институт или процесс ее институционализации. Наличие правового и экономического институтов частной собственности не вызывает сомнений. Утверждать факт наличия полноценного социального института имеет смысл на основании атрибутов социальной легальности, инфраструктуры и легитимности. В совокупности эти институциональные реквизиты делают возможным оптимальное выполнение институтом функций упорядочения социального взаимодействия, интеграции и стабилизации общества. Проблематичность одного из указанных реквизитов — социальной легитимности результатов приватизации в виде новоявленной частной собственности — была постулирована априори. Вряд ли корректно в данном концептуальном контексте рассматривать частную собственность в современном украинском обществе как полноценный социальный институт. Поэтому в качестве объекта исследования целесообразно выбрать процесс приватизации в Украине 1990–2000-х годов, который по сути представлял собой реинституционализацию частной собственности¹. Концептуальное уточнение этого объекта и рассмотрение его отдельных эмпирических измерений и составляют задачу данной статьи.

Теоретическая интерпретация понятия “приватизация” и определение методологических оснований анализа

Как подчеркивал В.Ворона, кроме социологов институционализмом занимаются историки, политологи, экономисты и юристы, поэтому крайне важно определиться, что и как в рамках институциональной теории должны исследовать социологи [8, с. 9]. Необходимость такого определения не вызывает сомнений и в нашем случае. Ведь можно выделить юридические, экономические, политические, социальные аспекты приватизации как реинституционализации частной собственности. Все они составляют предметные области соответствующих научных дисциплин. Несмотря на взаимозависимость, эти аспекты различны. Юридический аспект реинституционализации частной собственности составляет правовое оформление (легализацию) интересов и воли частных собственников, их полномочий владения, распоряжения и пользования объектами собственности в юридических законах, актах и нормах. Содержанием экономического аспекта приватизации является трансформация совокупности экономических связей и отношений между людьми по поводу присвоения факторов производства и

¹ Социально-временным ориентиром для идентификации направления институционализационных процессов в этом случае выступает период социалистических преобразований на украинских территориях в XX веке. До начала этого периода происходила институционализация (генезис института), в начале — деинституционализация (разрушение института), а в конце — реинституционализация (восстановление института) частной собственности.

других объектов собственности во всех сферах общественного воспроизводства — производстве, обмене, распределении, потреблении. Политический аспект находит проявление во влиянии частной собственности на формирование политической власти в обществе, возможностях конвертации собственности в политическую власть (и наоборот). Социальный аспект приватизации как реинституционализации частной собственности прежде всего заключается в изменении социально-экономической структуры и системы дифференциации общества на слои в зависимости от меры присвоения их представителями факторов производства и других объектов собственности. Как уже подчеркивалось ранее, средоточием предметного содержания социологической институциональной модели частной собственности являются именно эти социально-стратификационные и/или социально-структурные проявления [7, с. 125]. Как раз последние и должны составлять предмет социологического анализа приватизации. Такая предметная приоритетность обуславливает методологический интерес к классической марксистской парадигме. Согласно последней, собственность на средства производства — самый важный фактор социального структурирования общества, локализации экономических и социальных позиций общностей и индивидов, определение их реальных возможностей доступа к разным ресурсам, в частности ценным и дефицитным. Однако анализировать социально-институциональный аспект приватизации следует также с учетом других методологических подходов к изучению структуры общества.

Приватизацию (от лат. *privatus* — частный) обычно понимают как процесс передачи (продажи) государственных и коммунальных предприятий и земли в частную собственность. Однако сфера протекания этого процесса вряд ли ограничена исключительно отношениями собственности. Содержание понятия “приватизация” можно расширить. К тому же к более широкому толкованию приватизации склонны даже экономисты. В частности, ведущий эксперт Мирового банка Ч.Грей (Ch. Gray) утверждает, что приватизация — это не только смена отношений собственности, но и процесс возникновения других институциональных предпосылок для ее эффективного функционирования [9, с. 117]. Немецкие экономисты относят к составляющим приватизации также осуществление финансовых мероприятий по перенесению затрат государственных выплат на индивидуальных потребителей, обеспечение возможностей получения частными предприятиями льготных услуг государственного сектора, приватизацию доходов от государственных инвестиций в частный сектор [9, с. 154]. В целом приватизацию рассматривают как процессы появления и увеличения доли частного сектора в структуре собственности, производства товаров и услуг, сферы занятости.

В научных публикациях нередко речь идет о том, что приватизация в Украине и других постсоветских странах охватывала все аналогичные процессы и даже вышла далеко за их рамки. Например, несмотря на диаметрально противоположные методологические и идеологические позиции, Е.Суименко и В.Тарасенко, с одной стороны, и А.Пасхавер — с другой, в равной мере склонны оценивать приватизацию как социальную революцию, кардинально изменившую социальный строй украинского общества [10, с. 25; 11, с. 22–23; 12, с. 82, 85]. Существуют также мнения, что в целом рыночная инфраструктура в Украине возникла главным образом благодаря при-

ватизации. Так, А.Белоцерковец и А.Кошик утверждают, что в постсоциалистической экономике приватизация в той же мере является условием, как и результатом формирования рыночной институциональной инфраструктуры [13, с. 71]. Иными словами, оба процесса происходят параллельно во времени и служат предпосылками друг для друга. Например, легализация частного предпринимательства в форме кооперативов во второй половине 1980-х годов одновременно была легализацией частного сектора занятости (и рынка труда в целом) и частной собственности на рабочую силу. Поэтому в дальнейшем анализе приватизации уместно исходить из ее широких толкований. Обобщающим для них служит определение, предложенное Э.Савасом (E. Savas): "...в расширенном понимании "приватизировать" означает в большей мере опираться на частные институты общества и в меньшей — на правительство в целях удовлетворения нужд населения" (цит. по: [9, с. 117]). В таком случае ведущими среди этих институтов следует считать прежде всего частную собственность, частное предпринимательство и рынок труда (частный сектор занятости).

Такая избирательность по отношению к институтам рынка здесь не случайна. Она оправдана, учитывая опыт эмпирической операционализации одного тезиса, предлагаемого Н.Шульгой. Этот тезис весьма актуален в контексте очерченных социальной и научной проблем. Его содержание сводится к тому, что "легитимация в обществе частной собственности структурировала по этому признаку людей, вовлеченных в общественное производство" [11, с. 61]. В качестве показателя распределения собственности в общественном производстве, места людей в нем и структурирования общества на группы по мере наличия частной собственности Н.Шульга выбрал статус занятости. Наибольший интерес тут представляет его аргументация данного выбора и интерпретация соответствующих эмпирических данных: "С точки зрения наличия собственности имеются основания предположить, что работодатели являются крупными частными собственниками, самозанятые — мелкими, а наемные работники не имеют никакой частной собственности, кроме личной. То есть на этом основании можно было бы сделать вывод о том, что крупные частные собственники имеют собственные предприятия, офисы, для работы в которых нанимают работников. А самозанятые — это мелкие предприниматели, которые имеют в собственности определенные средства производства, орудия труда, но не используют труд других людей" [11, с. 61]. Несмотря на оговорки самого автора процитированных выше суждений о недостаточной точности их в условиях активной фазы распределения собственности, здесь схвачен момент взаимопроникновения ("наложения", или диффузии) статусно-ролевых систем институтов частной собственности, частного предпринимательства и рынка труда ("частный собственник/неимущий" + "частный предприниматель/наемный работник" + "работодатель/самозанятый/наемный работник").

Этот момент — диффузия статусно-ролевых систем трех ключевых институтов рыночной экономической системы — просматривается и в характеристике статусно-ролевого содержания отношений частной собственности, приведенной в монографии Е.Суименко и Т.Ефременко [14, с. 71]. Такая диффузия — свидетельство взаимосвязи и взаимообусловленности функционирования указанных институтов, их общей роли как факторов социального структурирования и стратификации общества. С учетом этого при-

ватизацию в Украине можно интерпретировать в широком понимании как социальную реинституционализацию одновременно частной собственности, частного предпринимательства и рынка труда. Соответственно изменение структуры занятости в ходе приватизации тоже следует рассматривать как опосредованное проявление реинституционализации частной собственности. Иначе говоря, речь идет о приватизации как опосредованном и даже непосредственном факторе и составляющей процесса социального структурирования украинского общества в разных направлениях (измерениях). Анализируя социально-структурный аспект приватизации, помимо критерия владения собственностью (классическая марксистская парадигма) нужно также учитывать занятость (классовая схема Дж.Голдторпа) и другие критерии.

В качестве средства анализа и интерпретации эмпирических данных целесообразно использовать понятийно-категориальный аппарат социологической институциональной модели частной собственности. Концептуальные контуры последней мы очертили ранее на основе обобщения институциональных наработок современной украинской социологии [7].

***Эмпирическая операционализация концептов
“приватизация как социально-экономический процесс”
и “социальная легитимность”***

Эмпирическими показателями приватизации в узком понимании (как процесса перемещения государственных активов в частную собственность) являются изменение во времени количества предприятий, площади земель различного назначения и других объектов по формам собственности. В рамках указанной выше широкой интерпретации приватизации возможно расширение базы ее эмпирических показателей как реинституционализации частной собственности (в том числе социальной легитимации последней). Это расширение уместно сделать за счет эмпирических показателей реинституционализации (и, соответственно, социальной легитимации) частного предпринимательства и рынка труда. В последнем случае речь идет о социально-экономических показателях — изменениях во времени распределений работников по секторам экономики, по сегментам рынка занятости и предприятиям (организациям, учреждениям) различных форм собственности.

Анализ субъективного восприятия людьми приватизации, ее социально-экономических результатов — появления частной собственности, развития частного предпринимательства и рынка труда, социального неравенства, конкуренции и др. — возможен и валиден при использовании концепта “социальная легитимность”. Как отмечено в отечественном социологическом энциклопедическом словаре, “легитимность социальная — признание, одобрение обществом (социальными группами, институтами) функционирования того или иного типа социальных отношений, а также деятельности социальных групп, институтов, индивидов, благодаря чему устанавливается, как правило, состояние открытости реализации их интересов” [15, с. 283–284]. В частности, социальная легитимность частной собственности — это добровольное согласие как минимум большинства членов общества с институциональным порядком частнособственнических отношений, учитывая его социальную приемлемость и значимость [7, с. 126–127]. Эмпирическими показате-

телями такого согласия можно считать позитивное отношение к частной собственности и приватизации, частнособственнические притязания, готовность придерживаться социальных норм частнособственнических отношений, активное участие в приватизационных процессах и другие субъективные поведенческие реакции. Будем считать, что позитивные аттитюды в нашем контексте являются проявлениями выбора респондентами позиции легитимации объекта, негативные — проявлениями позиции его делегитимации, а неопределенные свидетельствуют о колебаниях респондента в плане определения собственной позиции относительно легитимации/делегитимации. И так, социальная легитимность существует в условиях, когда позицию легитимации выбирают более 50% респондентов, а социальная нелегитимность — в условиях, когда более 50% респондентов выбрали позицию делегитимации. Но и в этих двух случаях, и во всех остальных можно говорить об уровне (степени) легитимности, нелегитимности и неопределенности легитимности/нелегитимности отдельного объекта, а также о тенденциях изменения этого уровня со временем — легитимации, делегитимации, увеличении или уменьшении неопределенности.

Описание данных и выбор статистических методов их обработки

В ходе эмпирического анализа была предпринята попытка воплотить принцип информационной полноты базы показателей объекта и предмета исследования, очерченный Ю.Саенко [16, с. 71]. Согласно этому принципу, указанная информационная полнота достигается путем совокупного использования статистических (отчетных, объективных), социологических (самооценочных, субъективных) показателей и экспертных (профессионально-субъективных) оценок изучаемого явления. Таким образом, в статье представлены результаты вторичного анализа:

- 1) информации из статистических ежегодников Государственного комитета статистики Украины [17; 18; 19; 20; 21; 22];
- 2) массивов социологических данных, полученных в рамках реализации Институтом социологии НАН Украины исследовательского проекта “Украинское общество: мониторинг социальных изменений” (генеральный директор — В.Ворона, руководитель — Н.Панина). В частности, проанализированы отдельные данные общенациональных репрезентативных опросов, проведенных:
 - а) в мае 1992 года, N = 1750 человек;
 - б) в мае 1995 года, N = 1810 человек;
 - в) в мае 1999 года, N = 1810 человек;
 - г) в феврале 2004 года, N = 1800 человек;
 - д) в марте 2005 года, N = 1800 человек.

Выборки пропорционально репрезентируют взрослое население 24 областей Украины, АР Крым и г. Севастополя;

- 3) массива данных социологического опроса экспертов “Экономическая культура населения Украины (Мнения и суждения экспертов)”, проведенного отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины в мае–июне 2005 года в рамках плановой темы

“Исследование экономической культуры современного украинского общества” (научный руководитель — Е.Суименко; N = 623¹).

Поскольку задача данной статьи ограничена попыткой концептуального уточнения содержания приватизации в Украине как социально-экономического процесса и рассмотрением отдельных ее объективных и субъективных эмпирических измерений, для обработки данных применялись простейшие статистические методы — группирование их в виде одномерных и двумерных таблиц, установление статистической значимости процентов. При этом все процедуры с социологическими данными выполнялись с использованием пакета ОСА для Windows. Используются также социологические данные других исследований, которые приводятся в том виде, в каком были опубликованы исследователями со ссылками на соответствующие источники.

Изложение результатов

Официальная приватизация в Украине началась с принятием Концепции разгосударствления и приватизации предприятий, земли и жилья (31 октября 1991 года). Эта концепция декларировала право каждого украинского гражданина на часть государственной собственности, а также бесплатный и денежный способы ее приватизации. Однако в научной литературе встречается множество утверждений о так называемой теневой (латентной) или нелегальной приватизации, начавшейся задолго до легальной. Если исходить из очерченного выше концептуального определения приватизации в широком понимании, есть все основания считать, что в этом формате ее истоки в Украинской ССР приходятся на середину 1950-х годов. Речь идет о начале либерализации советского политического режима и экономических отношений после смерти И.Сталина. С этого момента прекратились профилактические (по сути) выборочные “отстрелы” и другие репрессии представителей партийных, государственных, хозяйственных и в целом руководящих кругов, а также остальных категорий советских людей. В новых условиях постепенно восстанавливались и развивались существующие очаги частной экономической деятельности. Они крайне мало, а то и вовсе не контролировались государством. Характер такой деятельности варьировал в пределах от полнейшей

¹ Выборка N = 623 структурирована по ряду характеристик:

а) по должности и специальности: руководители в государственном (N = 94) и частном (владельцы, менеджеры: N = 141) секторах экономики, государственные служащие центрального (N = 67) и регионального (N = 121) уровней, ученые специалисты в сфере экономики (экономической социологии) или журналисты (N = 93), преподаватели вузов с научной степенью доктора или кандидата экономических, социологических или юридических наук (N = 102);

б) по региональному признаку: Донецкая (N = 60), Днепропетровская (N = 49), Запорожская (N = 60), Кировоградская (N = 58), Луганская (N = 49), Львовская (N = 60), Одесская (N = 46), Ривненская (N = 50), Закарпатская (N = 56), Хмельницкая (N = 48) Черновицкая (N = 48) области и г. Киев (N = 39). В каждом из этих регионов отбирались респонденты, которые в равной степени репрезентировали перечисленные выше шесть профессионально-должностных категорий;

в) по возрасту: 25–35-летние (N = 195), 36–45-летние (N = 183), 46–60-летние (N = 210), старше 60 лет (N = 34).

В каждой области для опроса отбирали около 10 респондентов из каждой из шести указанных профессионально-должностных категорий экспертов.

легальности до полной нелегальности. К легальному “полюсу” тяготели такие формы частной экономической деятельности, как личное подсобное хозяйство, индивидуальное жилищное строительство и жилищно-строительные кооперативы, частная практика врачей, работников образования, строителей, сантехников, портных и представителей многих других профессиональных категорий. Однозначно нелегальными формами были прежде всего тотальное массовое хищение социалистической собственности, увековеченное в фольклоре — “не платят по труду — воруют по способностям”, спекулятивная перепродажа дефицитных товаров и др. Фактически еще до начала перестройки (до середины 1980-х годов) в советской Украине существовали своеобразные частные протопредприятия, протособственность на средства производства (жилье, транспорт, рабочее место и оборудование на предприятии, в организации или в учреждении) и проторынок труда.

В процессе перестройки во второй половине 1980-х годов началось преобразование этих рыночных протоинститутов в полноценные институты, в первую очередь путем их социальной легализации и инфраструктуризации. Эти процессы в определенной мере сказались на структуре занятости населения в 1985–1992 годах и нашли отражение в соответствующих данных официальной статистики (см. табл. 1).

Таблица 1

**Динамика распределения населения Украины, занятого
в народном хозяйстве по секторам экономики в 1985–1992 годах, %***

Секторы экономики	1985	1990	1991	1992	Разница (1985 и 1992)
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР					
Государственные предприятия, учреждения, организации, объединения	80,0	78,4	77,6	76,7	-3,3
Малые предприятия	–	–	0,3	1,7	+1,7
Совместные предприятия	–	–	0,1	0,2	+0,2
КООПЕРАТИВНЫЙ СЕКТОР					
Предприятия потребительской кооперации	2,7	2,8	2,8	2,9	+0,2
Колхозы	15,2	13,4	13,6	13,7	-1,5
Кооперативы	–	2,4	2,4	1,2	+1,2
ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СЕКТОР					
Крестьянские (фермерские) и личные подсобные сельские хозяйства	2,0	2,8	2,0	2,5	+0,5
Индивидуальная трудовая деятельность	–	0,2	0,2	0,3	+0,3
ЧАСТНЫЙ СЕКТОР					
Малые частные предприятия	–	–	0,0	0,8	+0,8
В целом, % (млн человек)	100 (25,6)	100 (25,4)	100 (25,0)	100 (24,0)	–

* Подсчитано на основе абсолютных количественных данных, приведенных в: [17, с. 74].

В 1990 году органы официальной статистики зафиксировали незначительные доли граждан, работавших в кооперативах (2,4%) и занимавшихся

индивидуальной трудовой деятельностью (0,2%), а также увеличение на 0,8% доли занятых в крестьянских (фермерских) и личных подсобных хозяйствах. В 1991–1992 годах официально зафиксировано: 1) появление в народном хозяйстве частного сектора в виде малых частных предприятий и увеличение удельного веса занятых в нем на 0,8%; 2) начало и углубление коммерциализации государственного сектора в результате появления в нем малых и совместных предприятий (доли работников, занятых на них, в течение 1991–1992 годов возросли соответственно на 1,7% и 0,2%); 3) сокращение доли работников кооперативов на 1,2%, крестьянских (фермерских) и личных подсобных сельских хозяйств — на 0,3%. Показательно сокращение в течение 1985–1992 годов доли работников государственных предприятий, учреждений, организаций и объединений на 3,5%, а также колхозов — на 1,5%. Указанные тенденции дают основания предположить, что теневая (латентная) приватизация 1985–1991 годов прогрессировала как в количественных, так и в качественных измерениях. По мере ее развития степень институционализации частного сектора экономики — частного предпринимательства, частной собственности и рынка труда — повышалась. Частный сектор в определенной мере формировался на собственной базе — на основе предпринимательской активности и личных активов рядовых граждан. Однако преимущественно почвой и источником его генезиса служил государственный сектор. В рамках последнего дивиденды от эксплуатации активов государственных, коллективных, коммунальных, общественных, профсоюзных, партийных и комсомольских структур постепенно стали достоянием их менеджмента. Речь идет о малых предприятиях и хозяйственных подразделениях на базе указанных структур, поглощавших ликвидные ресурсы последних. В финансовой сфере произошло перекачивание к частным субъектам личных сбережений граждан в виде кредитных ресурсов. Прагматичные представители руководящих кругов, не отягощенные избытком коммунистических идеологических убеждений, действовали согласно увековеченной в фольклоре поговорке “куй копейку, пока Горбачев”. Все это позволило части граждан к началу 1992 года аккумулировать финансовый и социальный капитал, занять или закрепить за собой исключительно выгодные позиции (в плане полного контроля над объектами), смоделировать социальные технологии для результативного участия в легальной широкомасштабной приватизации.

В ходе официальной (легальной) приватизации выделяют три периода:

- 1) так называемая малая приватизация (1992–1994) — приватизация малых предприятий путем аренды с выкупом или выкуп трудовым коллективом;
- 2) массовая приватизация (1995–1998) с использованием приватизационных бумаг для привлечения широких слоев населения к приобретению акций крупных и средних предприятий и малых объектов;
- 3) денежная приватизация (с 1999 года) на основе индивидуальных процедур привлечения стратегических инвесторов (национальных, из ближнего или дальнего зарубежья).

Эту периодизацию целесообразно воспроизвести, приводя объективные и субъективные показатели развития приватизации как социально-экономического процесса. Однако возможности сведения данных официальной статистики, касающихся количества предприятий по формам собственности в разные периоды легальной приватизации, проблематичны. Проблематичность здесь обусловлена изменением методики государственного ста-

статистического учета¹. Таким образом, можно рассматривать определенные изменения структуры собственности в Украине на первом и втором этапах легальной приватизации (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика количества предприятий* в Украине в зависимости от форм собственности в 1992–1999 годах, %**

Формы собственности	Количество предприятий			Разница		
	1992	1995	1999	1992 и 1995	1995 и 1999	1992 и 1999
Частная	–	0,0	1,2	0,0	+1,2	+1,2
Коллективная	29,7	58,2	83,3	+28,5	+25,1	+53,6
Коммунальная	11,7	6,4	2,1	–5,3	–4,3	+9,6
Государственная	58,4	35,2	13,1	–23,2	–22,1	–45,3
Международных организаций и юридических лиц других государств	–	0,2	0,4	+0,2	+0,2	+0,4
В целом, % (абс. кол-во)	100 (9114)	100 (8900)	100 (10607)	–	–	–

* Предприятия и объединения, находившиеся на самостоятельном балансе (за исключением малых предприятий).

** Подсчитано на основе абсолютных количественных данных, приведенных в: [18, с. 293].

Хотя тут учтены не все категории предприятий (в частности, малые предприятия), распределения демонстрируют явные тенденции институциональных изменений отношений собственности. На протяжении периода массовой приватизации (1995–1999) зафиксировано появление и незначительное увеличение доли предприятий сугубо частной формы собственности. Вместе с тем следует обратить внимание на стремительное уменьшение доли предприятий коммунальной (в 5,5 раза) и государственной (в 4,4 раза) форм собственности, а также увеличение в 2,8 раза доли предприятий коллективной формы собственности за годы малой и массовой приватизации (1992–1999). В данном случае коммунальные и государственные предприятия превращались в акционерные, которые в тот период относились к категории коллективных предприятий. Их акциями владели государство, поселенческие общины и частные собственники. Причем удельный вес акций последних постоянно возрастал.

С учетом малых (и других категорий) предприятий по новой методике государственного статистического учета распределение их в целом по формам собственности в Украине по состоянию на 1999 год имеет совершенно иной вид (см. распределения за 1999 год в табл. 2 и 3).

¹ За 1992–2000 годы имеются данные о количестве предприятий и объединений, находившихся на самостоятельном балансе, за исключением малых предприятий [18, с. 293]. С 1997 года учет ведется по стандартам Единого государственного реестра предприятий и организаций Украины (ЕГРПОУ). Согласно этим стандартам, учету подлежат данные, касающиеся субъектов хозяйственной деятельности — юридических лиц и их отделенных подразделений (филиалов, отделений, представительств и т.п.), находящихся на территории и под юрисдикцией Украины [19, с. 91, 307].

Таблица 3

Динамика количества объектов ЕГРПОУ по формам собственности, %*

Формы собственности	Количество объектов			Разница: (1999 и 2004)
	1997	1999	2004	
Частная	28,2	28,9	29,6	+0,7
Коллективная	55,3	56,2	57,5	+1,3
Коммунальная	7,2	8,0	7,6	-0,4
Государственная	8,6	6,0	4,4	-1,6
Международных организаций и юридических лиц других государств	0,7	0,9	0,9	0,0
В целом, % (абс. кол-во)	100 (615628)	100 (728007)	100 (981054)	-

* Подсчитано на основе абсолютных количественных данных, приведенных в: [20, с. 326; 22, с. 319].

Доля частной формы собственности в данном случае (см. табл. 3) составляет почти треть, доля коллективной формы собственности — около двух третей от общего количества предприятий и организаций Украины. Эта пропорция стала более выразительной за 5 лет развития легальной приватизации, а тенденции ее незначительных изменений остались аналогичными тенденциям двух предыдущих периодов. Данная пропорция, впрочем, весьма существенно изменилась в результате перехода государственного статистического учета на новую методику классификации (типологизации) форм собственности в 2004 году¹. Такие методические поправки отражают рыночные институциональные изменения в экономике в целом и глубинные изменения содержания коллективной собственности в частности. На старте легальной приватизации (1992) коллективная собственность по своему содержанию преимущественно сводилась к колхозной собственности в сельском хозяйстве. Последняя, в свою очередь, по реальному характеру социально-экономических отношений почти не отличалась от государственной собственности. По мере развития легальной приватизации доля предприятий коллективной собственности, как отмечалось, существенно пополнилась за счет акционерных предприятий. По мере увеличения в последних доли частных акционеров они постепенно превращались в частные предприятия. После распада и приватизации земельных и

¹ С 1992-го по 2003 год включительно, в соответствии с нормами действующего законодательства, и прежде всего Закона Украины «О собственности», были установлены государственная, коммунальная, частная, коллективная собственность и собственность международных организаций и юридических лиц других государств. Поэтому в указанный период учет осуществлялся по этим формам собственности (см. табл. 2 и 3). Гражданским кодексом Украины, вступившим в силу с 1 января 2004 года, определяются права частной, государственной и коммунальной собственности. Понятие права коллективной собственности как таковое в нем отсутствует. Согласно действующему Гражданскому кодексу Украины, имущество коллектива выступает объектом частной собственности. С 2004 года объекты ЕГРПОУ подлежат учету по трем формам собственности — частной; государственной и государственно-корпоративной; коммунальной и коммунально-корпоративной [22, с. 319].

имущественных паев коллективных сельскохозяйственных предприятий их общая коллективная собственность превратилась в частную земельную и имущественную собственность их членов. Таким образом, по характеру социально-экономических отношений коллективная собственность в ходе легальной приватизации эволюционировала от “полюса” государственной собственности в сторону “полюса” частной собственности. Изменение классификации форм собственности стало своеобразной констатацией и легализацией этого латентного институционального преобразования.

В соответствии с новой классификацией 2004 года официальное распределение объектов по формам собственности в Украине (N = 1023396) в то время имело следующий вид:

- 88,2% — объекты частной формы собственности;
- 7,5% — объекты коммунальной и коммунально-корпоративной формы собственности;
- 4,2% — объекты государственной и государственно-корпоративной формы собственности [22, с. 319]. В итоге за годы приватизации (1992–2004) частная собственность на средства производства прошла путь социальной легализации, инфраструктуризации и по показателю количества субъектов хозяйствования стала абсолютно доминировать в современном украинском обществе.

Аналогичные тенденции развития в период легальной приватизации присущи структуре занятости населения Украины (см. табл. 4).

Таблица 4

Динамика среднегодового количества работников*, занятых в экономике Украины, по формам собственности, %**

Формы собственности	1992	1995	1999	2003	Разница			
					1992 и 1995	1995 и 1999	1999 и 2003	1992 и 2003
Частная	–	0,1	0,6	3,3	+0,1	+0,5	+2,7	+3,3
Коллективная, в том числе акционерные общества	29,5 –	41,6 14,8	50,6 25,3	43,1 21,5	+12,1 +14,8	+9,0 +10,5	–7,5 –3,8	+13,6 +21,5
Коммунальная	9,8	14,3	16,7	25,6	+4,5	+2,4	+8,9	+15,8
Государственная	60,6	43,9	32,0	27,7	–16,7	–11,9	–4,3	–32,9
Международных организаций и юридических лиц других государств	0,1	0,1	0,1	0,3	0,0	0,0	+0,2	+0,2
В целом, % (тыс. человек)	100 (21347,5)	100 (18252,3)	100 (14479,3)	100 (11711,5)	–	–	–	–

* Без наемных работников статистически малых предприятий, физических лиц, занятых предпринимательской деятельностью и у физических лиц — субъектов предпринимательской деятельности.

** Подсчитано на основе абсолютных количественных данных, приведенных в: [20, с. 329; 21, с. 316].

Прежде всего необходимо обратить внимание на сокращение в 1,8 раза за 1992–2003 годы абсолютного показателя занятых в украинской экономике. Тенденция незначительного сокращения этого показателя наметилась уже в

1985–1992 годах (см. табл. 1). Несовпадение его значений за 1992 год в таблицах 1 и 4 объясняется тем, что данные, приведенные в таблице 4, не охватывают очень важную категорию занятых в сфере малого бизнеса. Но несмотря на этот недостаток статистического учета, распределения по годам также свидетельствуют о стремительном увеличении доли частного сегмента рынка занятости (см. табл. 4). Причем это увеличение имеет преимущественно латентный характер, скрытый в пределах доли предприятий коллективной формы собственности (в частности акционерных). Последние, как уже отмечалось, с 2004 года официально считаются частными. Если на старте официальной приватизации работники государственных предприятий и структур составляли $\frac{2}{3}$ от общего количества работающих, то по состоянию на 2003 год их количество сократилось более чем наполовину. За счет этого сокращения увеличились доли работников предприятий коллективной (почти в 1,5 раза) и коммунальной (более чем в 2,5 раза) форм собственности. В целом в 2003 году совокупная доля работников предприятий частной и коллективной форм собственности достигла 46,4% и превысила отдельно взятые доли работников предприятий и организаций государственной и коммунальной форм собственности. Уже упоминавшийся переход государственной статистики на новую классификацию форм собственности легализовал фактическое существенное увеличение доли занятых в частном секторе экономики за счет работников предприятий коллективной формы собственности. Об этом увеличении в определенной мере можно судить по структуре другого процентного распределения. Распределение среднегодового количества работников (за исключением работников банков и бюджетных учреждений) и субъектов предпринимательской деятельности по формам собственности в 2004 году показывает абсолютное доминирование частной формы собственности среди других форм:

- 75,2% — доля занятых в пределах частной формы собственности;
- 18,5% — доля занятых в пределах государственной и государственно-корпоративной формы собственности;
- 6,3% — доля занятых в пределах коммунальной и коммунально-корпоративной формы собственности (% подсчитан от $N = 9527,4$ тыс. человек на основе абсолютных количественных показателей, приведенных в: [22, с. 322]).

Однако, учитывая существенное ограничение объекта статистического учета, в этом случае можно высказать лишь осторожное предположение о самом факте увеличения частного сегмента рынка занятости. Отличие этого объекта от объекта учета, данные о котором приведены в таблице 4, не позволяет сравнивать распределение 2004 года с распределениями предыдущих лет. Такое сравнение, впрочем, частично возможно, если воспользоваться данными социологического мониторинга Института социологии НАН Украины (см. табл. 5).

Ряды распределений здесь также воспроизводят констатированную выше основную тенденцию изменения структуры занятости населения Украины в период легальной приватизации — сокращение доли государственного и увеличение доли частного секторов. Однако доля частного сектора в данном случае не достигает численного преимущества над долей государственного сектора. Правда, здесь следует учитывать отсутствие в позициях шкалы отдельного референта коммунального сектора занятости. Вероятно, рес-

понденты, занятые в коммунальном секторе, идентифицировали свой сектор как государственный. Ведь несмотря на коммерциализацию экономики Украины в целом, в характере социально-трудовых отношений имеется больше общего между коммунальным и государственным ее секторами, чем между коммунальным и частным. Общими в первом случае являются как минимум следующие показатели: легальность, уровень оплаты труда, его условия и безопасность, уровень социального и пенсионного обеспечения. Учитывая это, можно предположить, что доля занятых в частном секторе численно несколько превышает отдельные доли других секторов занятости, но это преимущество не является абсолютным.

Таблица 5

**Динамика распределения ответов на вопрос
“В государственном или частном секторе Вы сейчас работаете?”, %**

Позиции	1994	1995	1999	2005	Разница		
					1995 и 1999	1999 и 2005	1995 и 2005
В государственном	52,1	45,5	35,3	26,8	-10,2*	-8,5*	-18,7*
В частном	6,2	11,1	12,1	22,9	+1,0	+10,8*	+11,8*
И в том, и в другом	1,8	1,3	1,9	3,5	+0,6	+1,6	+2,2
Не работаю	39,9	42,2	50,7	46,8	+8,5*	-3,9	+4,6

* Разница значима на уровне 0,01.

В целом на основании годовых рядов распределений в таблицах 1–5 можно констатировать постепенное восстановление за годы приватизации легальных форм частной собственности на факторы производства, частного предпринимательства и рынка труда. Процессы этого восстановления происходят параллельно во времени и демонстрируют сходные тенденции, что свидетельствует в пользу предположения об их взаимосвязи и взаимозависимости. Указанные институты рынка восстановились после почти семидесятилетнего (на Западе Украины — 50-летнего) функционирования институтов государственной собственности на средства производства, административно-командного регулирования производства, распределения, обмена, потребления и занятости населения. Поэтому для большинства граждан рыночные институты оказываются не социальными рецидивами, а скорее социальными инновациями-вызовами, к которым необходимо адаптироваться. Адаптация здесь означает выбор новых и адекватных своим возможностям социальных статусов, овладение соответствующими ролевыми поведенческими паттернами, поиск своей “лакуны” в новом институциональном социально-экономическом пространстве. Индикаторами успешности такой адаптации, а значит и перспектив успешности завершения процесса реинституционализации частной собственности и рыночной экономики в целом могут быть субъективные реакции граждан на новую социально-экономическую институциональную реальность и процессы ее формирования. Рассмотреть тенденции изменения этих реакций в ходе процесса легальной приватизации можно на основе данных ежегодного социологического мониторинга Института социологии НАН Украины. Подчеркнем, что анализ этих тенденций по периодам приватизации уже осуществляли Е.Головаха [13, с. 26–30], А.Пасхавер [12, с. 62–64] и другие исследователи. Мы его в об-

щих чертах воспроизводим, но в интерпретации с использованием концепта “социальная легитимность/нелегитимность” и с учетом дополнения рядов распределений за последние годы (см. табл. 6).

Таблица 6

**Динамика распределений ответов на вопрос об отношении
к приватизации малых и крупных предприятий
и к частной собственности на землю, %**

Позиции	1992	1995	1999	2005	Разница			
					1992 и 1995	1995 и 1999	1999 и 2005	1992 и 2005
<i>Как Вы относитесь к передаче в частную собственность (приватизации) малых предприятий?</i>								
Скорее негативно	13,8	19,1	23,0	23,5	+5,3	+3,9	+0,5	+9,7**
Трудно сказать, негативно или позитивно	29,2	25,2	27,4	32,5	-4,0	+2,2	+5,1	+3,3
Скорее позитивно	57,0	55,7	49,5	44,0	-1,3	-6,2**	-5,5*	-13,0**
<i>Как Вы относитесь к передаче в частную собственность (приватизации) крупных предприятий?</i>								
Скорее негативно	32,1	46,1	52,9	61,2	+14,0**	+6,8*	+8,3**	+29,1**
Трудно сказать, негативно или позитивно	42,4	32,1	29,3	25,4	-10,3**	-2,8	-3,9	-17,0**
Скорее позитивно	25,5	21,8	17,8	13,4	-3,7	-4,0	-4,4	-12,1**
<i>Как Вы относитесь к частной собственности на землю?</i>								
Скорее негативно	14,0	30,4	39,0	45,4	+16,4**	+8,6**	+6,4*	+31,4**
Трудно сказать, негативно или позитивно	22,0	20,8	23,4	26,7	-1,2	+2,6	+3,3	+4,7
Скорее позитивно	64,0	48,9	37,6	27,9	-15,1**	-11,3**	-9,7**	-36,1**

* Различие значимо на уровне 0,05.

**Различие значимо на уровне 0,01.

В изменчивости позитивных/негативных/неопределенных субъективных реакций респондентов в течение 1992–2005 годов наблюдаются следующие тенденции. Произошла социальная делегитимация “малой” и “крупной” приватизации, а также частной собственности на землю. На старте легальных приватизационных процессов в 1992 году приватизация малых предприятий и частная собственность на землю отличались социальной легитимностью (доля носителей легитимации >50%). За 13 лет приватизации частная собственность на землю вплотную приблизилась к границе социальной нелегитимности (доля носителей социальной делегитимации в 2005 году достигла 45,4%). Меньше всего снизился уровень социальной легитимности приватизации малых предприятий (доля носителей легитимации в 2005 году достигла уровня 44,0%, то есть была сравнительно незначительно ниже уровня социальной легитимности). Таким образом, по мере развития и расширения масштабов и глубины приватизации уровень социальной легитимности отдельных ее составляющих ощутимо снизился.

В данном контексте показательны результаты исследования, проведенного социологической службой Центра им. А.Разумкова 27 января – 3 февраля 2004 года (опрошено более 2000 респондентов старше 18 лет во всех ре-

гионах Украины) [23, с. 46]. Процентное распределение ответов на вопрос “Каковы последствия влияния процесса приватизации в Украине на развитие украинской экономики?” выглядит так:

- 28,7% – “В целом преобладают негативные последствия”;
- 27,0% – “Разрушительные последствия”;
- 14,8% – “Приватизация не оказала существенного влияния на развитие экономики”;
- 14,7% – “В целом преобладают позитивные последствия”;
- 2,6% – “Очень позитивные последствия”;
- 12,2% – “Трудно сказать”.

Итак, более половины респондентов оценили последствия приватизации как негативные для развития украинской экономики. Еще более очевидными являются негативные оценки приватизации в распределении ответов на вопрос “Насколько законно проводилась приватизация в Украине?": 77,9% – “Преимущественно с нарушением законов”, 6,3% – “Преимущественно без нарушения законов”, 15,8% – “Трудно сказать”. То есть популярность среди респондентов идеи пересмотра результатов приватизации не случайна. В частности, на вопрос “Следует ли пересмотреть результаты приватизации в Украине?” в ходе исследования социологической службы Центра им. А.Разумкова 10–17 декабря 2003 года было получено следующее процентное распределение ответов (опрошено более 2000 респондентов старше 18 лет во всех регионах Украины):

- 47,5% – “Да, для восстановления социальной справедливости”;
- 16,4% – “Да, для передачи более эффективному собственнику”;
- 17,6% – “Нет”;
- 18,5% – “Трудно ответить” [23, с. 46].

Идея пересмотра результатов приватизации получила $\frac{2}{3}$ сторонников среди опрошенных. Приведенные данные Центра им. А.Разумкова дают основания предположить наличие социальной нелегитимности в целом процесса приватизации в Украине.

В задачи данной статьи не входил детальный анализ возможных факторов выявленного феномена социальной делегитимации и нелегитимности. Однако тут следует отметить прежде всего создание средствами масс-медиа в условиях острого политического противоборства апокалиптического образа стихийной и тотальной приватизации, позиционирование ее как “прихватизации”. Участники этого виртуализированного процесса активно, а порой и невольно приватизируют все, что могут. Или, точнее, все, что контролируют в силу профессиональных и служебных полномочий пользования и распоряжения. Действия “прихватизаторов”, естественно, не вписываются в рамки законов и норм христианской морали. Спектр объектов “прихватизации” чрезвычайно широк – как количественно, так и качественно. Помимо рабочей силы, жилья, предприятий и земли, это еще и оплаченное работодателем рабочее время, технологии оперативно-розыскной деятельности спецслужб, государственная тайна, государственно-административные функции и должности, отдельные государственные органы и государство в целом. На основе массовой информации складывается впечатление, что чем больше ценность и масштаб объекта “прихватизации”, тем меньше вероятность уголовной ответственности “прихватизатора”. И наоборот – по мере уменьшения ценности и масштаба объекта возрастает ве-

роятность такой ответственности. Похоже, что в “прихватизационные” процессы в разной степени вовлечено абсолютное большинство граждан. В целом же “прихватизация” предстает в виде явной или (преимущественно) латентной экономической “войны всех против всех”, в ходе которой каждый “прихватизатор” в меру своих возможностей пытается приумножить собственные активы за счет чужих частных, общих корпоративных, коммунальных и государственных ресурсов.

Но несмотря на информационно-психологическое стимулирование негативных настроений рядовых граждан по отношению к приватизационным процессам в ходе их развития, это не вылилось в кровопролитные конфликты — подобные тем, что сопровождали в свое время процессы национализации промышленности, транспорта, банковской сферы, сферы услуг и коллективизации сельского хозяйства в первые десятилетия Советской власти. Наконец, простые люди, которые сами хоть в малейшей, пусть даже символической мере были вовлечены в процессы “прихватизации” советских и постсоветских времен, вряд ли склонны выступать бескомпромиссными оппонентами приватизации. Чтобы оказывать сопротивление неизбежно несправедливой приватизации, необходим своеобразный “моральный стержень”. А его “извлекли” из сознания людей за десятилетия, предшествовавшие легализации частной собственности. В итоге нравственное сознание населения приобретает черты социально-экономического цинизма. Это отразилось даже в поговорке: “Україна — рідна мати, не вкрадеш — не будеш мати”¹. В отличие от преступного присвоения частного имущества рядовых граждан, случаи незаконного присвоения ранее социалистической, а ныне государственной (коммунальной, коллективной) собственности не вызывали в советском прошлом и не вызывают теперь чувства острого неприятия у большинства людей. Их чувства в подобных случаях сводятся скорее к зависти. Поэтому рвения людей может хватить разве что на попытку своеобразного мелкого личного реванша по отношению к более и наиболее удачливым “прихватизаторам”. Такой реванш возможен при поддержке на выборах политических структур, выдвигающих лозунги реприватизации и национализации, или в вербальной форме (в частности в ходе социологических опросов). Впрочем, эти соображения — всего лишь предположения, требующие эмпирической верификации.

Если говорить о приватизации в широком понимании, следует отметить, что настроения населения Украины в этом контексте не являются однозначно негативными. Во всяком случае в отношении таких результатов приватизации, как развитие института частного предпринимательства (бизнеса) и легализованного слоя частных предпринимателей (см. табл. 7).

Ряды распределений демонстрируют противоречивые тенденции: 1) социальной делегитимации (1992–1995), а позже — обратной легитимации (1995–2005) института частного предпринимательства в целом; 2) в целом социальной легитимации слоя частных предпринимателей (хотя доля респондентов, которые доверяют частным предпринимателям, колебалась, на-

¹ В середине 1990-х годов декан факультета социально-гуманитарного образования Подольской государственной аграрно-технической академии (г. Каменец-Подольский) В.Романюк в ходе неформального обмена впечатлениями по поводу приватизации привел и проинтерпретировал этот образец фольклора как реакцию украинского народа на проблематичность возможностей рядового человека легально стать богатым в Украине.

лицо ее увеличение в итоге; вместе с тем доля респондентов, склонных не доверять предпринимателям, демонстрирует тенденцию к постоянному сокращению); 3) социальной легитимации (1992–1999) и обратной делегитимации (1995–2005) слоя частных предпринимателей-работодателей, а также частного сегмента рынка труда. На основании этих тенденций можно утверждать, что в условиях социальной делегитимации приватизации как процесса не обязательно одновременно должна происходить и социальная делегитимация ее результатов, например института частного предпринимательства.

Таблица 7

Динамика распределений ответов на вопрос об отношении к частному предпринимательству (бизнесу), доверии к частным предпринимателям, согласии лично работать у частного предпринимателя, %

Позиции	1992	1995	1999	2005	Разница			
					1992 и 1995	1995 и 1999	1999 и 2005	1992 и 2005
<i>Как Вы относитесь к развитию частного предпринимательства (бизнеса) в Украине?</i>								
Не одобряю	14,8	32,8	26,0	18,8	+18,0**	-6,8*	-7,2**	+4,0
Трудно сказать, одобряю или нет	31,7	26,2	27,7	29,4	-5,5*	+1,5	+1,7	-2,3
Одобряю	53,5	41,0	46,3	51,8	-12,5**	+5,3*	+5,5*	-1,7
<i>Каков уровень Вашего доверия к частным предпринимателям?</i>								
Не доверяю	-	53,0	48,8	41,0	-	-4,2	-7,8**	-
Трудно сказать, доверяю или нет	-	33,7	39,4	42,7	-	+5,7*	+3,3	-
Доверяю	-	13,3	11,8	16,3	-	-1,5	+4,5	-
<i>Согласны ли Вы лично работать у частного предпринимателя?</i>								
Скорее нет	35,3	34,1	33,8	48,7	-4,2	-0,3	+14,9**	+13,4**
Трудно сказать, да или нет	20,6	14,8	14,4	14,9	-5,8	-0,4	+0,5	-5,7
Скорее да	44,1	51,1	51,7	36,5	+7,0**	+0,6	-15,2**	-7,6**

* Различие значимо на уровне 0,05.

** Различие значимо на уровне 0,01.

Это утверждение в определенной мере справедливо и применительно к частной собственности в целом, возникшей в результате приватизации. Об этом свидетельствуют отдельные результаты социологического опроса экспертов “Экономическая культура населения Украины (Мнения и суждения экспертов)”, проведенного отделом экономической социологии Института социологии НАН Украины в мае–июне 2005 года.

Эксперты непосредственно репрезентируют мнение деловых, государственно-административных и научных кругов по поводу частной собственности и неравенства доходов. Преобладание тех или иных аттитудов экспертов, проявляющихся в восприятии ими как благоприятного одного из противоположных утверждений, можно считать эмпирическим показателем их позиций легитимации/делегитимации частной собственности, а также их оценки соответствующих позиций граждан Украины (см. табл. 8).

Таблица 8

Зависимость выбора экспертами утверждений о частной собственности и их мнения касательно преобладания тех или иных представлений о частной собственности в сознании граждан современной Украины от регионального фактора, %

Позиции	Области Украины			
	Все, попавшие в выборку N = 623	Львовская, Закарпатская, Черновицкая N = 164	Донецкая, Запорожская, Луганская N = 169	Разница (N = 164 и N = 169)
<i>Какие из приведенных ниже противоположных утверждений Вы считаете правильными?</i>				
Частная собственность — неотъемлемый атрибут человеческого бытия	80,1	82,8	79,9	+2,9
Частная собственность — это исторически преходящее явление, на смену которому придет общественная собственность на средства производства	11,8	9,2	11,8	-2,6
Трудно сказать	8,1	8,0	8,3	-0,3
<i>Какие из противоположных представлений о разных аспектах экономической жизни преобладают в сознании населения современной Украины?</i>				
Частная собственность вдохновляет человека на настойчивость, упорство, развитие: в ней больше добра, чем зла	56,7	58,0	59,2	-1,2
Частная собственность делает человека эгоистичным, вдохновляет его исключительно на приобретение вещей и страсть к ним: в ней больше зла, чем добра	34,1	30,9	32,5	-1,6
Трудно сказать	9,2	11,1	8,3	+2,8

Абсолютное большинство экспертов (80,1%) из всех областей, в которых проводился опрос, считают частную собственность неотъемлемым атрибутом человеческой жизни, то есть универсальным, вневременным социальным феноменом. На основании процентных распределений ответов (см. табл. 8) можно считать, что частная собственность является вполне легитимной (то есть социально приемлемой) для большинства экспертов. Характер выявленных предпочтений экспертов правомерно экстраполировать на репрезентируемые ими государственно-административные, деловые и научные круги. Зафиксирована незначительная зависимость выбора экспертами позитивных и негативных утверждений о частной собственности от регионального фактора. Процентный показатель выбора позиции социальной легитимности частной собственности на 2,9% выше среди экспертов из западных областей Украины (см. табл. 8). У экспертов из восточных областей соответственно выше (на 2,6%) показатель позиции социальной нелегитимности частной собственности.

Если исходить из репрезентативности выборки экспертов по принадлежности их к государственно-административным, деловым и научным кругам

украинского общества, то есть основания для следующего предположения. По-видимому, выявленные особенности субъективного восприятия экспертами частной собственности присущи вышеупомянутым социальным кругам и как образцы транслируются (или навязываются, если угодно) остальному обществу. Руководители в государственном и частном секторах экономики, государственные служащие центрального и регионального уровней делают это в процессе управления, научные работники в сфере экономики (экономической социологии) — в процессе создания научной информации, преподаватели вузов — в процессе преподавания, журналисты — в ходе массового информирования и интерпретации событий. Результатом этой трансляции (или навязывания) может стать воспроизводство позиции субъективного восприятия частной собственности как социально легитимной населением Украины в целом. Большинство экспертов уже констатируют преобладание позитивного отношения к частной собственности и в сознании населения современной Украины (см. табл. 8). По большей части эксперты считают, что в сознании граждан современной Украины преобладает представление о позитивных социальных функциях частной собственности (56,7%). Можно предположить, что этот объект внимания воспринимается украинскими гражданами как социально легитимный. Экспертные мнения также в определенной мере обнаруживают региональную специфику. Характерно, что региональные различия уровня социальной легитимности частной собственности незначительны (см. разницу процентов, табл. 8). В таких обстоятельствах можно утверждать, что по критерию социальной легитимности/нелегитимности частной собственности “расстояние” между западным и восточным регионами Украины незначительно.

Эксперты весьма скромно оценивают частнособственнические притязания населения Украины (по сравнению с упомянутыми выше показателями социальной легитимности частной собственности). 60,9% экспертов склонны считать, что подавляющее большинство населения Украины хотело бы иметь достойную зарплату, а не средства производства (землю, малое, среднее или крупное предприятие) в личной собственности. Это мнение можно верифицировать путем сравнения количественных показателей частнособственнических притязаний населения Украины и диагностики их экспертами (см. табл. 9).

Корректность сравнения двух рядов одномерных распределений относительно из-за более чем годовой разницы во времени проведения опросов и содержательных различий в формулировке одного из вариантов используемой в обоих случаях единой шкалы. В опросе экспертов вариант “Ничего из перечисленного” был дополнен уточнением “(кроме достойной зарплаты)” (см. табл. 9). В ходе опроса населения вариант без дополнения предпочли 27,4% респондентов. А вариант с дополнением выбрали 60,9% экспертов. Однако показательными явились другие различия в процентах. Если иметь в собственности землю хотят 29,3% рядовых респондентов, то количество экспертов, подтверждающих наличие такого притязания, вдвое меньше (14,2%). Хотят быть владельцами малых предприятий 28,6% респондентов, а подтверждений этого желания со стороны экспертов более чем на треть меньше (18,3%). Ощутима также разница в количестве тех, кому было трудно ответить (среди экспертов таких на 10,1% меньше). По критериям репрезентативности выборки, непосредственности изучения объекта, уровня организации полевой работы и качества эмпирических данных приоритет-

ными являются результаты опроса населения. Согласно последним, совокупный процентный показатель позиций, являющихся эмпирическими референтами частнособственнических притязаний, составляет 67,5% (см. табл. 9). Количество респондентов, не имеющих частнособственнических притязаний и затруднившихся с ответом, в сумме составляет 44,7% (менее половины). Таким образом, уровень частнособственнических притязаний населения современной Украины в 2004 году также свидетельствует скорее о социальной легитимности частной собственности. Есть основания предполагать, что институт частной собственности в целом в современном украинском обществе является социально легитимным. Нелегитимными, напротив, являются процессы приватизации и приобретенная таким образом частная собственность в виде крупных предприятий и значительных земельных угодий, чего, по-видимому, можно ожидать в перспективе, когда станет возможной легальная купля–продажа земли. Однако эти, как и другие высказанные в рамках статьи предположения, требуют эмпирической верификации в дальнейших исследованиях.

Таблица 9

**Частнособственнические притязания населения Украины
и диагностика их экспертами, %**

Варианты ответов*	Что из перечисленного...	
	...Вы хотели бы иметь в собственности?***	...хотело бы иметь преобладающее большинство населения Украины?***
	N = 1800	N = 623
Землю	29,3	14,2
Малое предприятие	28,6	18,3
Среднее или крупное предприятие	9,6	7,4
Ничего из перечисленного	27,4	X
Ничего из перечисленного (кроме пристойной зарплаты)	X	60,9
Трудно сказать	17,3	7,1

* Шкала с совместимыми вариантами.

** Мониторинговый социологический опрос “Украинское общество – 2004 (Мнения, оценки и условия жизни населения Украины)” осуществлен в ходе реализации Институтом социологии НАН Украины исследовательского проекта “Украинское общество: мониторинг социальных изменений”. Время опроса: 19–27 февраля 2004 года.

*** Социологический опрос экспертов “Экономическая культура населения Украины (Мнения и суждения экспертов)” (2005).

Выводы

Широкое понимание понятия “приватизация” позволяет рассматривать обозначаемое им явление, во-первых, как социальную реинституционализацию одновременно частной собственности, частного предпринимательства и рынка труда; во-вторых, одновременно как фактор и составную часть

социального структурирования общества в разных измерениях (каковыми являются собственность, занятость и др.). Рассмотрение указанной реинституционализации на основе анализа динамики показателей структуры собственности и занятости дает возможность констатировать воспроизводство соответствующих институтов рыночной экономики, параллельность во времени и схожесть тенденций их формирования. Тенденции динамики экспертных оценок гражданами приватизационных процессов, а также экспертных оценок частной собственности и характера восприятия ее гражданами Украины позволяют предположить, что социальная делегитимация процесса приватизации по мере его развития не обязательно предполагает аналогичную делегитимацию института частной собственности в целом.

Для проверки этого предположения необходимо, с одной стороны, обобщение отечественного и зарубежного опыта социологических исследований общественного мнения по поводу приватизации и ее результатов. С другой стороны, углубленного анализа требует и состояние социальной легитимности частной собственности в целом. Для этого, в свою очередь, необходима обоснованная теоретическая интерпретация соответствующего концепта. Целесообразным видится использование целого ряда (а не отдельных) эмпирических индикаторов состояния социальной легитимности/нелегитимности приватизации, ее результатов и частной собственности как института в целом. Весьма уместно также отдельное исследование уровня и характера социальной легитимности/нелегитимности социалистической собственности и меры лояльности к ней рядовых граждан как в советском прошлом, так и сегодня.

Перспективы дальнейших исследований связаны с использованием новых эмпирических индикаторов состояния социальной легитимности/нелегитимности частной собственности в рамках массовых социологических опросов, а также с получением и анализом новых эмпирических данных.

Литература

1. Ходорковский М. Кризис либерализма в России // Ведомости. — 2004. — 29 марта.
2. Березовский Б. Либерализм. Ч. 2. Выход из кризиса на площадь // Ведомости. — 2004. — 28 апреля.
3. Пинчук В. Капітал // Дзеркало тижня. — 2005. — 17–23 грудня.
4. Барановський О., Сіденко В. Проблеми власності та легалізації капіталів і доходів в Україні // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 2–13.
5. Стус В., Константинова І. Багатство не порок, або Як умовити суспільство полюбити олігархів? // День. — 2006. — 10 березня.
6. Легітимація приватизації в Україні. Меморандум Інституту національної стратегії України. — // <http://www.pravda.com.ua/news/2005/11/3/35224.htm>
7. Резник В. Приватна власність крізь призму соціологічного інституціоналізму // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 119–131.
8. Проблеми розвитку соціологічної теорії. Трансформація соціальних інститутів та інституціональної структури суспільства. Наукові доповіді і повідомлення III Всеукраїнської соціологічної конференції / За ред. М.О.Шульги, В.М.Ворони. — К., 2003.
9. Центральное-Восточная Европа во второй половине XX века: В 3-х т. — М., 2002. — Т.3. — Ч.1.

10. Приватизационные процессы в Украине (Материалы Круглого стола, 21 апреля, 1999 г.). — К., 1999.
11. Проблеми розвитку соціологічної теорії. Теоретичні проблеми змін соціальної структури українського суспільства : Наукові доповіді і повідомлення II Всеукраїнської соціологічної конференції / За ред. М.О.Шульги. — К., 2002.
12. *Пасхавер О.* Українські реформи, або Приватизацію ніхто не любить // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 61–85.
13. Українська приватизація: плюси і мінуси / Під ред. О.Й.Пасхавера. — К., 2001.
14. *Суименко Е.И., Ефременко Т.О.* Номо есопомісус современной Украины. Поведенческий аспект. — К., 2004.
15. Соціологія: короткий енциклопедичний словник / За ред. В.І.Воловича. — К., 1998.
16. *Саєнко Ю.* Стан суспільства: проблема соціальних вимірів // Соціальні та політичні науки у Співдружності незалежних держав : Доповіді робочої зустрічі. Київ, 23–25 вересня 1998 р. — К., 1998. — С.115–123.
17. Народне господарство України у 1992 році: Статистичний щорічник. — К., 1993.
18. Статистичний щорічник України за 2000 рік. — К., 2001.
19. Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К., 2002.
20. Статистичний щорічник України за 2002 рік. — К., 2003.
21. Статистичний щорічник України за 2003 рік. — К., 2004.
22. Статистичний щорічник України за 2004 рік. — К., 2005.
23. Громадська думка про перебіг та наслідки приватизації в Україні, причини тінізації економіки, можливість легалізації тінювих капіталів // Національна безпека і оборона. — 2004. — № 2. — С. 46–48.